

Как поживает твоя зависть?



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элеонора Ривенсон

Как поживает твоя зависть?

<https://litres.ru/74379842>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь завидовали по-настоящему?

«Зависть — это когда в метро, на улице, за городом, в любой точке мира, где существует человек, ты видишь в людях то, чего нет у тебя». Когда ты готова отдать всё, лишь бы стать ею. Хотя бы на один день.

А что, если бы твоя мечта сбылась? Если бы ты проснулся бы в теле той, на чьё место так отчаянно хотели встать?

«Если ты никто в реальности, то в своих фантазиях ты — Бог».

Но что, если мечта, стоившая тебе всего, ведёт совсем не туда, куда ты рассчитывал? И правда ли есть на свете та самая сказка, о которой мы все грезим?

Содержание

1 глава	4
2 глава	8
3 глава	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Элеонора Ривенсон

Как поживает твоя зависть?

1 глава

А тело моё — то есть, несомненно, тело Эстер — было найдено позже, в шесть часов утра, прямо на той зелёной клумбе, где её милая мамочка Данна, не уставая, каждой осенью — дождливой, солнечной или чересчур листопадной, усердно высаживала пучки гортензий и лилий, чтобы доказать всем соседям из пятиэтажного дома свою несомненную важность и открытость к благотворительным делам.

Смогла ли она, моя бывшая мама — то есть, несомненно, мама Эстер — получить доступ к совету благотворительных акций, где большинство участников, по слухам, имели достойные связи, чтобы ни в чём не нуждаться и жить в достатке? Очевидно, ответ — нет.

И поэтому, чтобы заслужить это драгоценное место и благословение участников совета, независимо от погоды, бедная (бывшая моя, то есть, несомненно, мама Эстер) высаживала на маленьких, таких блеклых с виду клумбах гортен-

зии и лилии, которые со временем превращались в садик — предмет для подражания.

Именно в этом садике, на месте лишь зарождающихся девственных почек, лежало тело Эстер, то есть, несомненно, моё бывшее тело. И нашли его ровно в шесть часов утра, как потом объявили по радио, а позже по телевизору — с полуразмытым, ужасно сфотографированным фрагментом кроваво-красного черепа пострадавшей.

Удивительно, но как только весть о её смерти разлетелась по уголкам нашего посёлка, отбиваясь от стен кирпичных домов и залетая в квартиры каждого жильца, туда после столь печальной новости пришли слёзы, ужас и разочарование.

«Бедная, бедная Эстер, как же не повезло бедняжке...» — говорили люди, едва услышав или увидев новости. Все они утешали себя и, заливаясь слезами, жалели девушку, чьё имя узнали впервые. После этой вести и немалого количества пролитых слёз на наш посёлок напала серая хандра, и сама погода, словно ощутив, сколь велика и неожиданна была утрата (хотя для меня она таковой не являлась), померкла — солнце погасло, а взамен опустился густой туман.

«Бедная Эстер!» — в честь столь печального известия даже отменили занятия в школе, оставив каждого оплакивать девочку дома.

Первая новость, долетевшая до моих ушей, — и, без сомнений, именно моих, а не ушей Эстер, — была весть о её

внезапной для всех кончине. Однако куда более ужасной для меня оказалась другая новость: на её поминках семья с душевной добротой пригласила всех, кого только можно было.

«Сама мать Эстер — как я потом прочла в газете, сидя в любимом кафе с видом на затонувший в скорби туман — несмотря на горестные переживания и весь масштаб трагедии, которую ей самой пришлось пережить, собралась и организовала благотворительный приём в роскошном особняке, названный “В добрый путь”. Разумеется, в честь своей драгоценной дочери».

Я усмехнулась, дочитав до одного момента из интервью Данны, матери Эстер: «Мы будем рады любой помощи». Здесь, конечно, не уточнялся контекст — какой именно помощи — но нетрудно было догадаться, о чём шла речь.

В маленькой кафешке, где подавали лучший молочный шоколад в моей жизни, я читала новости, о которых знала больше, чем кто-либо ещё, и с горечью осознавала, что весь мир снова крутится вокруг этой сучки Эстер. Даже после смерти она остаётся в центре фальшивого внимания!

Облачённая в бархатное платье, предназначавшееся для роскошного бала, а также для лишения девственности, бледная, как самый настоящий труп, каковым она и являлась, Эстер лежала в гробу. Крышку из чёрного глянцевого дерева с распятым на нём Иисусом закрывали под музыку всхлипов Данны, матери Эстер, и слёз как минимум полдюжины зевак, купающихся в обещании бесплатной еды. А также, что

несомненно важно, гроб бедной Эстер закрывали под мою ехидную улыбочку. Как бы я ни старалась, скрыть её за полупрозрачной вуалью было почти невозможно.

До свидания, Эстер. До свидания, маленький Иисус.

2 глава

Сквозь пелену февральского утра пробивались беспорядочные лучи солнца. Снег с дождём окутал день, словно мать, укрывшая младенца пеленой белоснежного одеяла. Под куполом снежной бури люди вкусили прелести слякотной погоды, скользкого асфальта под ногами, мрачных переговоров о ядовитом газе, посланном на нас правительством, и, несомненно, ощутили себя в изоляторе под запотевшим стаканом.

Мне следовало выглядеть сегодня красиво... хотя бы ухоженно, а лучше — стать новой версией себя именно в этот день.

Уже вторую неделю подряд я билась над тем, чтобы выглядеть иначе, чем при предыдущих выходах из дома. Я стояла перед шкафом, доверху набитым самой разной одеждой: от обычного свитера до мини-юбки с цепочкой-приметой на ней. Я смотрела на яркие цвета тканей, и в голове строились образы лучше, чем у нашей классной руководительницы, которая славилась своим властным характером и безупречным вкусом в одежде. Каждый божий день я видела на ней образ, до серёжки в ухе отличавшийся от предыдущего, и, конечно, как и все остальные, я до дрожи завидовала ей, продолжая невинно улыбаться при наших встречах.

Всё же я любила свою классную руководительницу, однако подражать ей у меня никогда не получалось.

Я смотрела на шкаф с одеждой и вспоминала образы, которые составляла две недели назад, крутясь перед зеркалом и причмокивая губами от удовольствия собственным видом. Сейчас я стояла перед тем же шкафом, что и две недели назад, перед тем же разноцветным гардеробом, но не могла заставить себя примерить ни одну из вещей, рискующих прожить жизнь без луча солнечного света.

«Ты покупаешь, а потом они висят в шкафу!» — любила повторять мама, и, снова слыша от неё эту фразу, я сомневалась в покупке новых вещей; даже если все факты говорили о необходимости покупки, я оставляла их в магазине.

Именно сейчас моя безысходность означала либо разрешиться, стоя в одном нижнем белье, и признать свою неуверенность и пожизненную позицию серой мышки, либо смириться и надеть чёрное платье, в котором, как я сама себе предсказывала, я выйду замуж, умру и даже, как мне кажется, в раю буду ходить в нём. В тысячу раз стираном чёрном платье с приталенной талией, изначальной целью покупки которого была новогодняя вечеринка в школе... я хожу каждый день. Оно стало моей второй кожей, которую я сбрасываю по возвращении домой и надеваю, выходя из убежища.

Быстро осознав, что истерика имеет смысл лишь тогда, когда её наблюдают, я натягиваю чёрное платье и застёгиваю на нём молнию, оставив гору «неподходящей» одежды в свете

гирлянд.

Для одних одежда служит всего лишь маскировкой их истинной внутренней натуры, для других же — символом проявления скрытого характера и внутреннего ощущения себя. В очередной раз надев чёрное платье, я просто смиряюсь с тем, что избежала восклицаний и удивления от моих внезапных перемен. В который раз надевая чёрное платье, я делаю вид, что мне наплевать на свою позицию серой мышки.

Я выхожу из сырой, пропитанной странным холодом квартиры, прощаясь с теми, кто точно будет ждать меня, — кошкой и двумя хомяками. «Они, — думаю я каждый раз перед уходом, и думаю потому, что мысли эти стали для меня подобием привычки, — ждут меня всего лишь потому, что им некуда бежать из квартиры, и, несмотря на холод, здесь всё же приятнее, чем в полурассветной тишине февраля».

— Это моё место, милочка, проваливай отсюда, — миниатюрное создание в облегающей маечке розового цвета, хлопающее глазами, возникло передо мной, словно небесное чудо. — По-жа-луй-ста! — Грейс выразительно надула губки и приподняла свои зализанные воском брови, которые, как ей казалось, очень симпатично смотрелись на её кукольном личике с кукольным носиком и кукольными глазками.

Я встала с места и мельком оглядела полупустой класс. Лишь пара передних парт и две задние, включая мою, были заняты, и я в недоумении взглянула на низкое существо перед собой.

— Ну?!

Я не двигалась с места, но чувствовала, как за спиной нарастает ощущение призрачной тени.

— Ты оглохла? — возмутилась Грейс. Смазанные воском брови сошлись к переносице.

Я задумалась: а не тяжело ли каждое утро просыпаться за два часа до выхода, чтобы накрутить волосы, нанести на лицо тонну косметики, прогладить свой «лук», в тысячный раз перевязать бантик на волосах и ещё полчаса потратить на выстраивание подобающей позы, крутясь перед зеркалом? Пока на меня давил пытливый взгляд голубых глаз, я думала: как ей удаётся ни разу не появиться в похожей одежде и выглядеть почти наравне с нашей классной руководительницей? Не тяжело ли каждый день надевать на тело костюм куклы Барби и, причмокивая, выносить мозг одним своим писклявым предложением? Тёмная тень за моей спиной усмехнулась:

«Сядь на место и пошли её куда подальше, а если откажется, мы ведь можем и врезать, правда? Не зря же два года отходили на тхэквондо?» — чёрный силуэт показал мне картинки забытых приёмов с любимой секции и засмеялся, забавляясь моим перекошенным выражением лица.

Губки Грейс со звуком «чмок» разлепились, но, прежде чем она успела дать очередную оценку всей ситуации, в класс зашла она.

Тень в спешке и смятении растворилась и снова остави-

ла меня на произвол судьбы, как последний предатель, что раньше был готов биться за меня насмерть.

Эстер.

Силуэт её божественной фигуры скоро обязательно будет красоваться на нашем школьном флаге, и в преддверии нового праздника он, в своих ослепительных нарядах, подобранных стилистом по её цветотипу, будет развеиваться на ветру и улыбаться, подмигивая всем незнакомым, словно ай-дол.

Грейс затихла и словно мгновенно померкла на фоне новоприбывшей: ехидная ухмылка спала, розовые щёки побледнели, подобно дню под вечер, и она превратилась в тусклый предмет мебели. Если она при появлении Эстер перевоплощалась в стул или комод, то кем на её фоне становилась я?

«Привидением, — шепнул чёрный силуэт мне на ухо, — или мертвецом». Тень боится Эстер и с её появлением, с трясущимися руками, исчезает из поля видимости. «Лучше быть пустым местом, чем призраком, которого все просто игнорируют. Игнорирование — лучший вид пыток».

— Прекрати издеваться над девочкой, тебе мало места? — голос Эстер пронёсся по классу, словно бархатная ночь, окутывающая тишиной и спокойствием. Нежный и загадочный, он пронизывал до кончиков пальцев, начиная с барабанных перепонки.

Грейс в растерянности кряхтит что-то похожее на: «Но...

ведь... мы... тут... тут сидим обычно... и... я подумала...»

Я быстро встала с места и пересела на переднюю парту под надменным взглядом Грейс. Если эти две подружки поссорятся друг с другом из-за меня, то на меня точно нашьют порчу или проклятие. А с учётом того, что об Эстер ходили слухи о принадлежности к ведьмам, очень может быть, что порча заденет весь мой род. Я вздохнула и слегка, словно нарочно, повернулась назад: Грейс с милой улыбочкой заняла мою парту и теперь, разложив на ней всё необходимое — тушь, зеркальце, губную помаду и что-то для меня незнакомое, — закручивая на палец прядь рыжих волос, рассказывала историю об очередном бойфренде.

Пока позволяла ситуация, я незаметно приглядывалась к Эстер, к этой высокомерной особе, заслужившей звание королевы школы и вдобавок возможность возглавить наш класс на выпускном. Эстер — просто милочка и душечка, превосходно пахнущая шлейфом своих шоколадных духов, который развевался на весь класс, но никому не было до этого дела. У неё, несомненно, была ещё куча привилегий, распространяющихся только на неё: ей можно было опаздывать и пропускать уроки, не посещать часы уборки и самой выбирать участниц для очередных школьных конкурсов. Она участвовала во всех мероприятиях, а потом получала за это дополнительные баллы. Эстер, с роскошно выющимися до груди волосами и элегантной походкой, имела всё, о чём мечтали даже её подружки, окружающие её 24/7. Пусть они лов-

ко скрывали свою зависть под маской, но всем было известно, что Эстер неповторима. Эстер — первая, и всегда ею была.

Она первая начала краситься, первая заявила о своём лидерстве, первая сменила рюкзак на сумку, первая, у кого выросла грудь, первая, кто пошёл в спортзал, и первая, у кого появился парень. Представьте себе номер один — и у большинства в голове всплывёт очередной брендовый макияж Эстер или её идеально ровные зубы. Эстер подобна пробившемуся сквозь тонкий слой новорождённого снега маленькому цветку ландыша — такому девственному и нежному, что хочется наступить и расплющить, пока он не пустил корни.

От писклявого голоса Грейс начала кружиться голова, и я уткнулась в тетрадь с домашним заданием. Класс был полупустой, и народ начинал подходить только ближе к середине перемены, замечая следы своего сонного состояния. Каждый из новоприбывших, как мне казалось, в первую очередь оглядывал класс в поисках предмета своего эталона; они проходили мимо меня и всячески приветствовали Эстер: «О, привет!», «Здравствуй, как дела?», «Привет, Эстер, отлично выглядишь». Грейс билась в истерику от того, что все игнорировали её, машущую всем присутствующим.

— А-а-а! Эстер! Детка, ты сногшибательная! Как дела? Ай, не говори! — в класс, стуча каблуками и с широкой улыбкой, влетела Вики. Руки её тряслись, то ли от радости,

то ли от экстаза, зрачки были знатно расширены. — Я видела всё по твоим сторис. Ты в том бикини — просто секс-бомба! — она оперлась о парту Эстер и Грейс, то есть почти завалилась на неё.

— Привет, дорогая, — Эстер встала, и они фальшиво чмокнулись в щёчки, как две лучшие американские подружки.

Вики обошла парту сзади и, не стесняясь, втиснулась между Эстер и Грейс:

— Нет, но то, как Тони поступил с тобой, — это отвратительно, — она осторожно продвинулась ближе и как бы невзначай чуть пихнула Грейс локтем. — Нет, надо же быть таким мудаком, нет, надо же быть... — не давая подруге и слова вставить, Вики орала на весь класс и пихала Грейс в сторону, пока та окончательно не свалилась со стула.

— Эй! Вообще-то я тут сижу!

Громкий визг Грейс и её пылающая от ненависти физиономия заставили Вики наконец-то замолчать. Та накинула на соперницу презрительный оценивающий взгляд, от которого той точно стало не по себе, и села на своё отвоёванное местечко:

— А теперь не сидишь, — Вики брезгливо отёрнула руку от вещей Грейс. — И вообще, Эстер обещала мне сегодня посидеть с ней, — она гордо подняла голову; этот жест точно означал, что попробуй хоть кислотой её облей — она не встанет с места.

Класс, включая меня, украдкой наблюдал за этой смешной сценой; правда, никому не пришло в голову попытаться разрешить конфликт. Всех забавлял комизм и в то же время страх: вмешаясь — и автоматически станешь соучастником, а потом, как это обычно бывает, попадёшь под суд и пойдёшь как подозреваемый.

Пара парней с интересом наблюдала за разгоревшейся сценой, другие смылись сразу с её началом; более тихие девушки перешёптывались на передних партах и ехидно хихикали, не скрывая своего жадного интереса увидеть, как Эстер без особых усилий поставит всех на место.

— Разве? — изогнула бровь Грейс. — Эстер, ты обещала ей?!

Я представляла себе огромный величественный замок с панорамными окнами в золотой обивке и искусственными цветами повсюду, вместе с дорогой мебелью из слоновой кости. Я, несомненно, представляла себе миллион шкафов с одеждой из мягких тканей и тысячу различных пар босоножек, а ещё отдельную комнату с полками для косметики. И в середине бесконечного числа слуг, визажистов, парикмахеров, стилистов, на высоком красном троне я представляла её — Эстер. Она вставала и одной улыбкой заставляла всех замолчать.

— Когда я обещаю, я говорю, а не подписываю... так что, — она провела рукой по гладким волосам, — давайте, кто-нибудь из вас, — на этом слове, как и почти на всех место-

имениях, Эстер делала акцент, — найдёт себе другое место. Несомненно, думала я, Эстер не знала, что кто угодно был готов подраться насмерть за то, чтобы сидеть и разговаривать с ней. У королевы школы наверняка был свой календарь с расписанием, когда и сколько времени уделять кому. Несомненно, Эстер не знала, что каждый, особо бегающий за ней по пятам с очередной сплетней, втайне мечтает утопить её в пруду и занять её место. Наверное, Эстер не знала, но одним своим недоброжелательным взглядом она могла довести человека до самоубийства, поэтому никто не смотрел ей в глаза. Несомненно, Эстер не знала... или очень хорошо притворялась.

Перемена подходила к торжественному звонку, оповещающему о начале урока, и все места были заняты детьми, «готовыми получать новые знания».

Все места, кроме стула рядом со мной. Конечно, если подумать, то и он был занят чёрной тенью, которая слаще всех наблюдала за цирком из-за кулис, но, к сожалению, её никто не брал в расчёт.

С появлением Эстер в нашем классе посещаемость учеников — в большинстве своём мальчиков — выросла вдвое. Никто, кроме меня, и не задумывался о причине; все учителя лишь сильно обрадовались возросшей самостоятельности учеников. Думаю, если бы они узнали настоящую причину их тяги к знаниям, то смело бы наградили Эстер золотой медалью.

— Да, Грейс, поэтому собери свои вещички и сядь на другое место, — Вики заёрзала на месте, как бы призывая подругу поторопиться. То есть, наверное, надо сказать — бывшую подругу... а раньше они были лучшими стервами класса, и разлучить их могла только ещё одна стерва. Я никогда не верила в дружбу втроём, и эта троица — Вики, Грейс и Эстер — служила ещё одним доказательством невозможности её существования.

— Нетушки, сама садись к этой зануде, — пролепетала Грейс. Её нос завибрировал.

«Зануда» — это, несомненно, я, если кто не понял.

Вскользь заметив устремившиеся в мою сторону пары глаз, я мгновенно отвернулась, делая вид, что не была свидетельницей той абсурдной сцены. В моменты, когда на тебя глазают незнакомцы с разных рядов, я чувствую себя оратором, вещающим на тему опасности дельфинов и необходимости закона об их истреблении. Мозг отключается, осознание уплывает в чащу дремучего леса — ещё выйдешь из трёх сосен.

— Нет, сама садись!

— Я вообще-то первая эту парту заняла!

— Тут не написано, что она твоя, так что...

Две злые великанши всё спорили и спорили, нарушая покой беспечных облаков и чистого неба. А я всё металась между деревьями, пригибаясь при звуках молнии и скрываясь от кислотного дождя под капюшоном толстовки. Из дремучего

леса меня уводил тихий скрежет солнца или ангела, спустившегося с небес для того, чтобы спасти мою грешную душу.

Эстер отодвинула стул и элегантно села рядом со мной; её сдержанный хвост, затянутый туго и примазанный тонной лака, едва задел меня, и я окончательно поняла, что живу.

— Итак, класс, начнём урок с повторения прошлого материала, а это значит... — учительница сделала паузу, и дети хором закончили за неё: — Самостоятельная... — Да, небольшая самостоятельная работа...

Королева неземной красоты и тролль, сменяющий одежду по праздникам, принцесса райского мира и грешник в палатах ада, девочка, признанная героем, и девочка без амбиций. Или ещё проще: её величество и подопытная крыса. Именно так мы сейчас выглядели вместе с Эстер — наверное, жалкое зрелище, особенно если учесть, как унизительно она обошлась со мной, а заодно и со своими слугами. Грейс и Вики, каждая прижавшись к углу своей парты, делали вид, что незнакомы друг с другом, однако каждая норовила заглянуть в тетрадь соседки.

Мне выпадала честь видеть Эстер лишь на дальних расстояниях — не меньше трёх метров. Она сидела позади меня, размашисто жестикулируя, и даже если она находилась через парту от моей, я всё равно чувствовала её дыхание и запах свежести изо рта. Она сидела впереди меня с гордо расправленными плечами, и локон её волос ручейком стекал вниз по спине. В таких незаметных позициях я особенно

пристрастно могла наблюдать за её величеством. Несколько месяцев моей жизненной задачей было найти в Эстер что-то, что позволило бы мне ухмыльнуться над ней. Я искала доказательства её неидеальности, её изъяны или больную точку. Мне очень сильно хотелось убедить себя в том, что она реальный человек.

Эстер делила волосы на две части, и пробор получался идеально ровным; она носила длинные ноготочки, которыми играла солнечными зайчиками, как ребёнок играет с новой игрушкой. И всё в ней — от туфель со средним каблуком на резинке до вписывающихся как нельзя кстати в образ аксессуаров на руке — смотрелось идеально.

Мы сдали контрольную через десять минут после её начала. Я успела написать лишь половину листа и с удивлением, почти с открытым ртом, заметила, что Эстер исписала буквально весь лист своим наклонным грациозным почерком.

— Итак, сегодня мы начнём новую тему, — сказала учительница и повторила свою любимую фразу, которую произносила после начала обсуждения нового параграфа: — Надеюсь, она придётся вам по душе.

Мне было сложно сосредоточиться на старой доске с уже не оттирающимися разводами. Почерк учительницы прыгал по расчерченным линиям, и вскоре все слова превратились в один комок бесформенной массы. Что-то справа — именно в том месте, где сидела моя новая соседка, — слепило мне глаза, прожигая слова насквозь, проникая в глазные яблоки,

отчего мне становилось нечем дышать. Я чувствовала себя сушёной рыбой с отсутствующими рогами.

Исподтишка я норовила взглянуть на Эстер, на солнце, которым она сейчас являлась для меня. Где Тень, которая бы сейчас мне как нельзя кстати понадобилась? Куда подевалась моя чёртова смелость и существовала ли она вообще?

Эстер сидела, подложив ладошку под подбородок и слегка наклонив голову в сторону, отчего мне представилось, будто её снимает скрытая камера. Я аккуратно огляделась по сторонам, но ничего, кроме глазающих на нас одноклассников и зелёной доски, не увидела. Даже на потолке и в тёмных недрах старых плакатов «Мы против алкоголя» (их рисовали на выставку) не было и намёка на камеры. Я снова посмотрела на Эстер — её чуть приподнятое личико неизменно оставалось таким, даже когда она совершала движения.

— Боже...

Я замерла и через пару секунд осознала, что сказала это вслух. Щёки мгновенно покрылись мнимым румянцем, и я спрятала глаза в тишину стола. «Чёрт... ещё громче нельзя было сказать...» — напряжённый взгляд пробежал по моим поджатым губам и розовеющему лицу.

— Что, прости? — шёпотом спросила Эстер. Глядя на светлые узоры дерева, я увидела, как поднимаются её брови.

Ещё никогда в жизни меня не захватывало такое мучительное желание провалиться сквозь землю, а лучше исчезнуть вовсе с планеты Земля. Но ещё сильнее меня атаковало

желание хотя бы раз переступить через себя. Чувствуя, как тень в глубине разрывается хохотом, я через силу повернулась к Эстер и шёпотом спросила:

— Зачем ты держишь лицо так криво? — мой голос прозвучал настолько тихо, что стоило подумать, она не услышала его сквозь пелену своих воздушных духов.

— Это моя рабочая сторона. Если придерживаться её, я выгляжу ещё привлекательней, — проговорила Эстер, полностью разворачиваясь ко мне и демонстрируя правую часть физиономии, чуть скорчив её и приподняв носик. — Видишь? Так выглядит лучше.

Я моргнула: при всех моих отчаянных попытках найти разницу я видела лишь одно великолепие.

— А ещё с этого места лучи солнца падают на меня под прямым углом, чтобы это выигрышно отражалось на мне; нельзя закрывать глаза полностью, когда моргаешь, — продолжала Эстер шёпотом, опять демонстрируя пример своего трюка. — Понимаешь?

Я не понимала. И что больше всего меня беспокоило — её ужасающе искренняя речь со мной, которая должна была вызвать сочувствие.

Несколько месяцев я думала, что за такой честный разговор с Эстер надо заплатить огромную сумму денег или же угодить в круг её друзей.

— Но ведь те, кто сидит слева, видят и твою левую сторону, — я решила не упускать шанс бесплатного разговора, всё

же надеясь, что в конце она не выдаст мне счёт с круглыми нулями.

— Да, — кивнула Эстер. Наверное, тоже как-то по-особенному, чтобы даже летающие частицы воздуха смогли сделать её идеальной. — Левая сторона тоже моя рабочая, если изобразить её правильно, иначе я бы не сидела тут.

Улыбка на её губах сверкала яркими искорками, и я снова зажмурилась от них.

Мне всегда было сложно понять, о чём беседуют друг с другом такие типы людей, как Эстер. Они выглядят настолько шикарно и напудренно, что ты просто забываешь подумывать о том, что у них есть мозговые извилины и они общаются между собой словами, а не поломанными жестами. Эстер, к моему сожалению, оказалась ещё и умной: в отличие от своих подобных подруг, она знала физику и математику лучше всех, развивалась в литературе, а в химии... ей можно было при желании аплодировать стоя. Идеал красоты — отличница в придачу, имеющая толпу фанатов и преданных подруг. Казалось, что она беседовала с ними только на высшие темы: косметика, парни, новые звёзды, парады и клубы, открывшиеся поблизости, — но в то же время я замечала Эстер, дискутирующую с учителем высшей математики. Полурасстёгнутая рубашка, напряжённый взгляд и чёткая речь — как можно было не слушать рассказы о её проекте? А когда она читала стихи, даже самые дурные мальчики затыкали рты, чтобы послушать Эстер. Боевой дух лидера так и кри-

чал в ней, норovia выбратъся наружу и продемонстрировать себя в полном расцвете сил.

— Я тебе тоже советую.

Неожиданный голос Эстер вывел меня из паутины собственных мыслей, и я, вздрогнув, попыталась повторить неслышанное.

— Что «тоже»? — неловко переспросила я, кажется, потеряв всю нить текущего диалога. Это представлялось абсурдным: такая девушка, как Эстер, не должна была со мной говорить, и я не должна была что-либо спрашивать у неё. Мы были как две разные вселенные, затерявшиеся в космосе: одна из нас нашла свой путь среди своих жителей, а другая утонула в опасном чёрном пространстве без шанса на обретение почитателей. — Попробовать найти свою рабочую сторону?

— Не помешало бы, — улыбка не сходила с её лица, и, может быть, из-за неё слова Эстер звучали не как насмешливый совет, а как ласковое напутствие. — Или попробуй хотя бы улыбнуться.

«Попробуй хотя бы улыбнуться» — тишина в моей комнате расходилась по сторонам при виде скверных мыслей и крутящихся слов Эстер.

Из полуоткрытого окна был слышен громкий плач тающего снега и бьющиеся в стекло капли воды. Перед сном меня всегда обволакивал какой-то непонятный водоворот мыслей, и я лежала, прикованная к кровати, и могла делать лишь одно — наблюдать за тем, как сменяющиеся картинки в моём

воображении ходили друг за другом. Передо мной всплывал прожитый день, и частички ярких моментов, как на колесе обозрения, крутились без усталости. Потом сознание возвращало меня в прошлое, а затем снова кидало в будущее, словно оно должно было быть именно таким, каким я его выдумывала. Не смыкая глаз, я глядела в серый потолок, но, как бы реалистично ни выглядели мои ложные надежды и представления о будущем, я знала, что с утра они все будут казаться мне абсурдными и, несомненно, фантастически недостижимыми.

Сегодняшние слова Эстер пробивались сквозь пену метели моих мечтаний, и всякий раз я замечала их или слышала как отголоски собственного голоса. У меня был шанс спросить у королевы школы всё, что угодно. Мне хотелось думать, что, если бы я попросила у неё какой-либо совет — настоящий совет, а не просто задавала свои вопросы, — она бы дала мне наставление на всю жизнь, сказала бы о том, как стать похожей на неё.

Телефон пропищал, оповестив меня о новом сообщении, а именно о новом выложенном фото на страничке никого иного, как Эстер. Несомненно, такая роскошная девушка обладала большой популярностью не только в школьных кругах, но и в соцсетях. Эстер была первой, у кого появилась своя страничка, и первой, чья страничка стала настолько популярной. Не вкладывая особого труда в контент, она выставляла раз в два дня по одному фото из своих прожитых

дней: это были тарелочки с едой, селфи на фоне красивых мест, совместные фотографии, фото дома и ещё куча повседневных картинок, словно взятых с обложки глянцевого журнала.

Я была подписана на неё со второго аккаунта — подписана на все известные мне странички. В душе я, несомненно, знала, что она не просматривала каждого своего подписчика, и моё число среди них никак бы не удивило её. Но моё присутствие именно на втором аккаунте давало мне полную свободу. Я могла лайкать её посты каждый день, писать любые комментарии и делать скриншоты её самых-самых лучших фотографий.

«Девочка-модель среди тысячи свиней» — когда Эстер перевелась в наш класс, я уверена, в заголовке какой-нибудь газеты так и трещали этим названием.

Новый пост на страничке Эстер — фотография с её подругами-старшеклассницами, двумя блондинками, которые выпячивали губки в воздушный поцелуй. Даже на фоне таких красоток она выделялась, как золото в грудe камней.

На заднем фоне мигали размытые разноцветные огни светодиодных неоновых ламп, которыми было украшено всё тёмное помещение. Неудивительно, ведь это здание ночного клуба позади, а спины героев снимка упирались в барную стойку и толпу народа в алкогольном опьянении. Вероятно, Эстер жила по принципу: «Живи свой день как последний перед концом света» — несомненно, каждый день, а может,

и час проходил с новыми приключениями.

Эстер в коротком красном платье с глубоким вырезом и в высоких сапожках — это становилось ясно по вылетевшему у меня на экране видео. Громкая музыка, и брюнетка с блондинками плавно двигались под неё. Эстер будто свети-лась и заставляла других участников мероприятия уходить в тень на её фоне.

Почти ежедневно на мой телефон приходило уведомление о новом статусе: Эстер в новом наряде, с новым макияжем — она мелькала в моей ленте чаще, чем милые эдиты с котиками. Вот она под музыку демонстрировала свой блестящий топ с декольте; её глаза с нарисованными веснушками выглядели очень правдоподобно, заглядывали ко мне в душу и просто пронзали насквозь.

Наверное, больше всего на свете, а может, несомненно, больше всего, я ненавидела противное и тягучее чувство зависти. Я взяла в лавинном огне с самого своего рождения и удивлялась, как всё ещё, чёрт возьми, не превратилась в пепел. Эти ощущения, когда в грудной клетке вдруг что-то воспламенялось или включалось и жар охватывал всё моё тело до кончиков пальцев, стали моими обыкновенными приятелями. Раньше при появлении зависти на глазах выступали слёзы и становилось трудно дышать; во мне зрело желание провалиться сквозь землю и винить владыку ада за то, что он послал мне все эти несчастья. Сейчас же я научилась справляться с припадками гнева и проживать их глубоко,

очень глубоко внутри себя. Если и существовало место, куда я так талантливо выкидывала свои эмоции, то оно точно почти сгнило.

— Моя мама сказала, что оценки — показатель труда, а не моей натуры, — услышала я голос Эстер из своего телефона, настолько убедительно, будто находилась рядом с ней совсем близко. — Поэтому я тут отмечаю свою офигенную натуру и пятёрки по химии! — с этими словами она прыгнула в воду в снятом ею с подружкой домике с бассейном. Если бы Эстер отмечала такими водными плесканиями все свои пятёрки, несомненно, бассейн считался бы её вторым домом.

Сейчас я испытывала спокойствие и лёгкий тремор в руках, перелистывая старые фотографии Эстер с её потрясающими днями. Я даже до конца не была уверена, что чувствую к ней зависть. Возможно, это уже была не она. Я не желала ей смерти. Несомненно, нет, как бы странно это ни звучало. Но, возможно, если бы её прелестных фотоотчётов, её знаний почти в каждой области, её сладкого шлейфа дивных нарядов совершенным образом не стало бы на свете, моя жизнь пошла бы в наилучшую сторону, без какого-либо ущерба.

Я закрыла глаза и представила копию Эстер с фотографии на телефоне у себя в голове. Я хотела увидеть её перед собой в самых малейших подробностях: тонкие брови, зелёные глаза с чёрными точками и розовые щёки. Если долго тренироваться, можно воссоздать в голове настолько точный образ, что потом начинаешь сомневаться в том, что оригинал

реален. Человеческая фантазия не видит границ, и пока она почти единственная, что полностью подвластна нам, — мы вольны творить в своём разуме самые невероятные вещи.

Я создавала в своей голове второй мир, где проживала свою наилучшую жизнь. Я тренировалась так долго, что могла каждую ночь выбирать сценарий из предложенных мною же вариантов и снова и снова погружаться в мир наслаждений. Думаю, пока наши мысли и сокровенные мечты принадлежат нам, жизнь ещё может приносить хотя бы капли удовольствия в серые будни.

Если ты никто в реальности, то в своих фантазиях ты — Бог.

Я вырисовывала наряды Эстер: самые яркие, эпичные, блестящие — всегда такие, что приковывали к себе внимание в считанные секунды. Смейтесь, но я помнила почти каждый её образ: платья, сумки, штаны, рубашки — всё, что когда-либо облегало кожу Эстер, я запомнила. У меня не выходило так остро подбирать свои образы, сколько бы сил на это ни уходило. Эстер же сочетала одну блузку с пятью разными штанами, но самое главное — делала это так искусно, что блузка становилась будто новой.

Видя блестящий топ, подвеску с крестом и зелёные ноготочки, я не видела настоящую Эстер.

Кто такая Эстер?

Все безумно красивые и выглядящие старше своих лет, будем предельно честны, всегда вызывали у меня много во-

просов. Большинство из таких дамочек так или иначе проявляли свои подлинные натуры. Они могли казаться смешными, громко хохоча во весь голос, или ругаться матами, лишь изредка и только при парнях выдавливая свой такой настоящий тоненький голос, как у пятилетней девочки. Всякая из них со временем раскрывалась, подобно цветку, встречающему рассвет.

Но не Эстер.

Она, несомненно, была самой сдержанной, принципиально расчётливой и загадочной девушкой. Я не замечала за ней ни одного скверного словечка или словосочетания, ни одного намёка на дурное отношение к кому-либо или просто недружелюбного жеста. Эстер всегда была и оставалась ИДЕАЛЬНЫМ примером для подражания и выставок в галерее хороших девочек.

Сколько нужно учиться мастерству «притворяться», чтобы выглядеть и действовать так, как она, не совершая ошибок? Многие из её круга общения, да и все новые знакомые, в первые месяцы пытались перенять повадки Эстер, стать её второй копией. Но каждый, я уверена, абсолютно каждый, ломался через пару дней, проигрывая, и с отчаянием забивал на это дело.

Эстер непокорна. Эстер та, что является примером и той самой состоявшейся дочкой вашей мамы. Эстер добилась всего, о чём только можно было мечтать. Пока мечтаешь, Эстер уже всё получает.

Во всех поучительных историях принцессы похожего типа с идеальным внешним миром имеют за собой гору неразгаданных тайн и травм прошлого. Я думала: неужели в прошлой жизни Эстер была кем-то настолько ужасным, что теперь обязана круглыми сутками носить маски? Может быть, у неё за внешним проявлением скрывается гнилая душа и она в секрете топит новорождённых котят? Скорее всего, её родители живут в несчастном браке, а вся картинка идеальности — всего лишь её способ бежать от агрессии родителей. Или нет, я думала, у неё нет родителей, или они на грани развода, или отец бьёт мать, или...

Сколько бы я ни перебирала череду отвратительных вариантов, ответ был спрятан от меня навсегда. Эстер идеальна, и её несчастьем не было ни одного подтверждения.

Если бы я только могла окунуться на мгновение в пелену её счастливой жизни и прочувствовать на себе, что значит быть Эстер — той самой топовой девочкой из школы. Если бы я хотя бы на день могла поменяться с ней телами...

«И ты правда этого хочешь?» — спросила я сама себя и сама себе чётко и однозначно ответила:

Да.

Если бы все человеческие мечты вмиг обрели явь и стали реальностью, правда ли, что на свете пропало бы удовольствие? В большинстве случаев человек получает его именно от ожидания. Чувство ожидания искушает нас и порой радует больше, чем получение загаданного подарка на Новый год

или день рождения. Чувство ожидания подпитывает надежду, без которой почти невозможно жить.

Если бы пропало чувство неизвестности, весь человеческий род перестал бы ожидать, потому что всё было бы известно наперёд. Получать неизвестный подарок, думать о том, каким он может быть, — гораздо слаще, чем заранее знать, что будет лежать в праздничной коробке.

Неизвестность. Ожидание. Реальность. Ожидание реальности...

Я просыпалась всегда с первыми лучами солнца, потому что мои шторы не закрывались до конца, и свет входил в мою комнату быстрее звонка будильника. Сегодня солнечные лучи, видимо, взяли выходной, потому что не встречали меня. Открыв глаза, я увидела серые мерцающие пылинки, танцующие свой вальс в микроскопической проплешине света сквозь череду занавесок. Странно, ведь мои шторы, несомненно, обладали выцветшим ореховым цветом, никак не чёрным.

Я всегда держала рядом с собой большую плюшевую собаку, потому что на неё можно было легко закинуть ногу или прижать к себе в моменты, когда одиночество становилось невыносимым. Но собаки не было рядом со мной. Никого из моих плюшевых игрушек не было рядом — ни гуся, ни крокодила, ни розовой гусеницы. Сколько я себя помнила, я всегда просыпалась с лёгкой, чистой головой, словно оставляла в подушках или недрах одеяла всю свою усталость, пробле-

мы и загоны. Как бы плохо мне ни было вчера, как бы сильно ни раскалывалась моя голова — сон служил моим лучшим подарком. За пару часов в неподвижном состоянии я просыпалась совершенно иным человеком с облегчённым сознанием. Сейчас же я чувствовала тяжесть и боль, словно мою голову кто-то специально приклеил к подушке, так что я не могла подняться.

«Что за чёрт?» — мои руки были свободны от невидимого клея и цепей, поэтому я провела ими по волосам. На них я обнаружила неопиcуемый объект — комок ткани, который, как живой, шевелился под моими пальцами и, словно медуза, пытался вобрать их в себя. Я резко вскочила, и до моего сознания дошла мысль о том, что я находилась вовсе не в своей комнате.

Когда сон выглядит настолько реалистичным, что засасывает в свой сюжет, то становится жутко и страшно: думаешь, что останешься в нём навсегда. Когда Бог раздавал суперспособности, мне досталось умение выходить из любого самого противного сна за считанные секунды после осознания, что я во сне. Во сне я осознавала, что нахожусь во сне, и выходила из него, если он мне не нравился. Это как сидеть перед огромным ТВ-проектором, который транслирует тебе большой чёрно-белый экран — чёрно-белый, потому что все мои сны были именно такой цветовой гаммы. Так как ты сидишь за проектором, у тебя имеется огромное преимущество: нажимать на кнопки, ускорять или замедлять движения актё-

ров, а при особом желании ты волен поменять фильм.

Я сидела перед огромным рычагом управления, но не видела кнопок и главного штурвала. Я была во сне, но не могла осознать этого, из-за чего и выйти из состояния кошмара было не в моих силах. Я была со своей душой, но не в своём теле.

3 глава

Тёмные, как бордовые закаты, пряди волос волнами скачивались по моим плечам и ложились в ожидании. В ожидании воплей и аплодисментов от красоты и изящного блеска.

Я была ошеломлена тем, что видели мои, но не мои глаза, как тряслись мои, но не мои руки, как дыхание во мне, но не моё, в моём теле превращалось в крылья бабочки. Глядя в зеркало, я осознала, что схожу с ума по-настоящему, не как в детстве при виде девочки с хвостом русалки.

Отдалённые и приглушённые, будто доносящиеся из-за снежной долины, голоса вывели меня из оцепенения:

— Эстер, зайка, ты спускаешься?

Мои руки и плечи покрылись мурашками, а в животе забурлило озеро в ванной с пеной, переливающееся за края. Я, несомненно, спала, сходила с ума, иначе как объяснить то, что я видела перед собой Эстер?

Эстер в отражении сплошного стекла в её комнате, Эстер в отражении зеркала в розовой пурпурной оправе с наклейками-звёздочками.

Чёрт возьми, я видела чёртову Эстер в отражении, но глядела на себя! На своё тело... Как можно видеть чужое отражение, несомненно, смотря на своё тело, а не на чужого человека?!

— Эстер, ты успеешь позавтракать? — незнакомый голос вытолкнул меня из урагана всепоглощающих эмоций: испуга, шока, негодования, отвращения, страха и ещё миллиона чувств, которые я не была способна сейчас распознать. — Или вы с девчонками позавтракаете в кафе?

Я слышала слабые шаги, стук в дверь и шорох за ней, и мне всё больше хотелось спрятаться, убежать или просто оказаться не тут. Не в этой чёртовой комнате и не в теле чёртовой Эстер.

— Вообще, завтрак на столе, если не будешь — убери в холодильник, — сказал голос за стенкой, и я только сейчас определила, что он принадлежал женщине. — Деньги мы оставили. А мы с папой уехали.

И снова раздался негромкий стук в дверь — или это билось сердце в моей грудной клетке, то есть, несомненно, не в моей... Это была не моя грудная клетка, не моё тело, не моё сердце!

Паника стреляла по нервам, и адреналин подскочил до самого горла, так что я начала задыхаться.

— Ты же встала, Эстер? — стук в дверь.

Если я сейчас не скажу ни слова и не подам признаков жизни, женщина откроет дверь и увидит... увидит, что тут не её дочь... точнее, несомненно, её, но не её... чёрт.

— Да, хорошо, — как можно громче сказала я, и мне оставалось только молиться, чтобы мама, то есть мама Эстер, сейчас не вошла в комнату.

— Окей, пока, мы любим тебя!

Молитвы были услышаны, и звук шагов, спускающихся вниз по лестнице, стал тому подтверждением. Я дождалась, пока стихнут посторонние звуки, и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы понять реальность происходящего.

«Так... хорошо... — сказала я сама себе, потому что так легче успокоить мозг, просто поговорив с собой, точнее, со своей душой — тело ведь не моё... — Да, мы не спим, да... я... видимо...»

Меня настолько обескураживал тот факт, что я находилась в сюжете американского фильма, и сама мысль о том, что я в теле Эстер, казалась мне настолько абсурдной, что я не заметила, как успокоилась.

Пока сознание бегало в поисках ответов, я успела разглядеть себя в новом теле. Всё-таки если жизнь кидает тебе под нос шанс стать той, кому ты всегда завидовал, разве будет гуманно оставлять этот шанс на дороге в грязи?

На моей голове, то есть, несомненно, на голове Эстер, выросло странное гнездо. Её волосы, то есть мои волосы, были заплетены в гульку, из которой торчала пара железных палочек; я только сейчас ощутила вес столь массивной конструкции. Никто не сомневался, но Эстер и вправду спала в чёрно-зелёном костюме. Ткань у него была такой гладкой и нежной, что можно было часами разглаживать себя перед тем, как заснуть. Тело Эстер заслуживало отдельной похвалы: находясь в своём, я привыкла к паре лишних килограммов на

бёдрах, но в новом теле Эстер я чувствовала себя свободной.

Я встала с кровати и сделала несколько кругов по мохнатому ковру, чтобы осознать реальность происходящего.

Мне незачем было описывать комнату Эстер, потому что она выглядела именно так, как её можно было себе представить. Пока моя голова гудела — то ли от поступающего потока вопросов и мыслей, то ли от аппаратуры в волосах, — я заметила огромный букет алых роз на подоконнике вместе с ещё парой цветочков в горшках. Комната Эстер была оформлена в трёх цветовых гаммах: зелёной, бежевой и блекло-розовой. И повсюду были растения: на столе, рядом с тумбочкой и на полках зелёная листва глазела на меня, подмечая чужака. Кто бы мог подумать, что Эстер одержима растениями?

Я шевелила ртом, издавая немые звуки, и пыталась окончательно убедить себя, что стала именно ей.

Эстер.

«И теперь ты можешь делать в её теле что вздумается, — голос просочился из чертогов разума и дорожкой спустился вниз к моим ногам, а затем расцвёл в виде тени. — Только представь...»

Что есть «я»? Если оторвать мою ногу, то получится «я» и нога; если меня лишат руки, несомненно, останутся «я» и рука. Ну а если разделить тело и голову, получится моё тело и «я». Неужто это значит, что моё истинное «я» — то, что думает, выбирает, принимает решения, проводит день за

днём, — находится в моём головном мозге?

Но если я отделилась от тела, а мозг, скорее всего, остался на месте, не значит ли это, что моё «я» живёт где-то в другом месте? И не значит ли это, что жуткая тень, не раз принимавшая решения без моего ведома, является ограниченной частью моего сущего «я»?

«Суть размышлений ясна, но, может, мы будем действовать?» — раздались слова в моей голове, и я попыталась их прогнать, ведь говорить с собственным «я» считается признаком психологического расстройства. Это просто ненормально!

— Хей! Эстер! Ты готова бежать по магазинам? Наша цель — та кофточка с розовыми малинками.

Мурашки пробежали по коже, словно тысяча муравьиных лапок, оставив за собой мокрый след на моей спине.

«Это пришли... её, твои подружки», — шепнула тень, словно издеваясь надо мной.

— Эй, Эстер! Ты готова? — снова голос снизу, а потом смех и непонятные мне разговоры.

В панике оставалось лишь поскорее крикнуть новоприбывшим «подружкам», чьи голоса я слышала почти впервые, что почти готова.

Гардероб Эстер — это огромный шкаф, занимающий половину стены, с выдвижными полками и дополнительными крючками для одежды. Меня ослепило разнообразие цветов, блёсток и фасонов настолько, что глаза разбежались от выбо-

ра. Я будто пришла в самый настоящий секонд-хенд с брендовой одеждой, где в ней можно было задохнуться.

Вопрос «что надеть?» повис в тяжёлом воздухе комнаты, разбавляясь смехом снизу.

Мне казалось, что с меня стечёт три ручья пота и я постепенно растворюсь в груди неизвестных мне брендов. Раствориться в разноцветной массе было бы лучше, чем тупо глядеть на неё в панике. Я взяла первый попавшийся свитер, выбрала его почти что с закрытыми глазами и натянула на себя. Джинсы, обтягивающие, с красной звездой, и какие-то гольфы. В последний момент, когда на лестнице послышались шаги, я успела захлопнуть дверцу шкафа и распушить волосы руками для объёма. И в дверь настойчиво постучали.

— Эстер, можно войти?

— Ммм... — промямлила я, но тут же вспомнила: Эстер — это я. Эстер теперь — это я, по крайней мере, её тело теперь принадлежало мне и... плевать, как это произошло: поменялись ли мы телами, или святой дух дошёл до меня, или это чудо?.. Я — Эстер, самая популярная, загадочная, сногсшибательная в классе и среди своих подруг. Стоило лишь убедить себя в том, что мне нечего бояться, ведь я — Эстер.

— Да.

По мне прошлась невиданная сила; за секунду до открытия двери я надела на лицо маску невозмутимого спокойствия и сдержанности. Я видела Эстер с самых разных ракурсов, и она всегда была властна над собой, значит, и я должна

была.

В комнату вошла Грейс в сопровождении ещё одной девочки сзади. Её я видела не впервые — розоволосая, с кривым носом и в длинном кимоно. Она часто мелькала в рисах Эстер, и, несмотря на столь яркий акцент на цвете волос, всё равно меркла на фоне Эстер.

— Привет! Как твои дела? — поприветствовала Грейс и первым же делом обвела меня оценивающим взглядом — таким цепким, что по спине вновь пробежали мурашки. — А что, свитера опять в моде?

Я неуверенно качнула головой. Чёрт, я была просто ноль в теме моды и в других темах этих девочек. Сейчас они точно увидят по моему образу, что я не та, за кого себя выдаю, и мне придётся сгореть со стыда.

— Что?! Правда?! — розоволосая, кажется, Пиппи... или Пип, в общем, девочка со странным именем и внешностью, захлопала глазами. — А я в платье!

Я не услышала в её тоне ничего осуждающего, хотя мне казалось, они прямо сейчас накинутся на меня с осуждениями и обзываниями. Я замерла на месте.

— Дашь что-нибудь из своего? — встряла Грейс и подошла к моему шкафу, как к своему собственному. — У тебя, помню, был красный свитер со звёздами. А, Пиппе... — она обратилась к подруге, — тут чёрный, будем свитерное трио.

Я остоленела и быстро закачала головой.

Неужели вот так просто создавать моду и новый стиль?

Пока они старались, копались в моём шкафу, комментируя каждую вещь с восторгом и со словами: «Вау!», «А скинь мне артикул!», «Ой, я видела это в последнем выпуске „Vogue“!». И так по кругу. Я успела мельком взглянуть на своё отражение.

Мои нелепо подобранные вещи, несмотря на всю их невзрачность, сидели на теле Эстер офигенно. Джинсы обтягивали бёдра, а свитер, оказавшийся приталенным, показывал талию и в то же время скрывал недостатки. Я стояла чуть ли не с открытым ртом от удивления. Неужели любая одежда на теле Эстер, даже выбранная наугад, сидела идеально?

— О-о! Эстер, можно я возьму этот свитер, Эстер?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что обращаются ко мне. За несколько лет всё же успеваешь привыкнуть к своему родному имени, которое становится счастьем для тебя.

— Да, бери, — ответила я.

Проблема была в том, что все мои представления о жизни Эстер основывались лишь на её фотографиях, рассказах, слухах и письмах в сторис — эту истину я поняла слишком поздно. Из-за недостатка информации я боялась надевать кучу ошибок. А если она никогда не носила свитера? Если она втайне ненавидела эту Пиппи или презирала удобную обувь? Как мне быть человеком, о жизни которого я почти ничего не знала? Возможно, этим вопросом следовало задаться перед тем, как мечтать быть на её месте.

— Эй, ты какая-то расстроенная сегодня, — заметила Грейс, натянув свитер поверх платья; выглядело это хорошо с учётом её фигуры.

Я в панике изобразила улыбку: надо было придумывать ещё одну причину своего ужасного настроения.

— Это из-за того тубика? — встряла Пиппи и взяла меня за руки. Её ладони были холодными, будто в них не текла кровь, и она глядела на меня пронзительно-голубыми глазами, отчего мне стало не по себе. — Да забудь ты его. Он тебя явно недостоин!

— Точно, — поддакнула Грейс. — Не-до-сто-ин.

— Недостоин. Ты у нас самая красивая, мы найдём тебе лучше этого ублюдка, — Пиппи поглаживала меня, пока я хлопала глазами, пытаюсь понять, о ком идёт речь.

— Ага, хоть двоих.

Грейс умудрилась найти огромную шкатулку с украшениями и поинтересоваться, можно ли одолжить пару колец. Такого количества золота, цепочек, серебра и кулонов я ещё не видела, отчего смотрела на всё с открытым ртом. Да у Эстер тут целое состояние! По сравнению с её добром мои жалкие три кулона и серьги выглядели очень убого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.